

Интервью: подведение
политических итогов 2018 г.

«ВРЕМЯ НЕВОЗМОЖНО ПОСТАВИТЬ НА ПАУЗУ»

Ярослав Игнатовский,
политконсультант, генеральный
директор аналитического центра
«ПолитГен»

Уходящий 2018 год для России выдался насыщенным в плане больших политических и околополитических событий. В нём ярко проявились важные тенденции, связанные с общественным запросом на открытость власти, обновлением партийной системы, новыми форматами взаимоотношений «центр — регионы». Об итогах года рассказал политолог Ярослав Игнатовский.

— Ярослав, какое событие Вы считаете главным в политической повестке этого года?

— Главным событием уходящего года для россиян я бы назвал Чемпионат мира по футболу. Он, в каком-то смысле, перевернул представление о России среди болельщиков — рядовых жителей стран всего мира, и это стало безусловным успехом России. Благодаря тому, как было организовано и «упаковано» это мероприятие, оно запомнится надолго всем любителям футбола. Говорю это и как болельщик тоже. Сборная, кстати, тоже порадовала. Мне кажется, что этим Чемпионатом мы, действительно, можем гордиться. Лично я очень рад тому, что посетил его в своей стране.

Далее, выборы главы государства. Важнейшее внутривнутриполитическое событие года. Выборы показали, что Владимир Путин сегодня является главным и фактически единственным бастионом крепости под названием «Россия». Знаменитая формула, провозглашённая Вячеславом Володиным несколько лет назад, до сих пор работает. И не дай Бог бастиону разрушиться, за ним погибнет остальное. Конечно, совсем не факт, что это будет так, но этот колоссальный страх в сознании россиян подтверждают в том числе и все наши исследования. Страх и у элиты, и у рядовых людей. Я думаю, при прочих равных условиях, этот фактор был главным двигателем той высочайшей явки и результата Путина, и именно он, на мой взгляд, позволил не потерять тех ситуативных сторонников, которые появились в 2014 году на волне крымского консенсуса.

В список значимых внутривнутриполитических событий года я также добавил бы повышение пенсионного возраста для россиян, увеличение значимости экологических протестов, таких как в Ярославле, Волоколамске, Архангельске, давайте также не будем забывать и о тех ужасных трагедиях, которые случились в Кемерово и Керчи.

Для меня, как для петербуржца, не могла остаться незамеченной отставка Георгия Полтавченко, который за семь лет своего губернаторства оставил о себе [неоднозначное впечатление](#) и не воспользовался возможностями для роста, как, например, Москва.

Не будем забывать и внешнеполитический контекст, в рамках которого мы живем — я бы его назвал «повестка ядерной кнопки». Сегодня мы не можем уже существовать вне его — ведь вопрос безопасности мира касается каждого — это вопрос его собственной безопасности. Эта повестка, безусловно, будет оказывать влияние и на ситуацию внутри страны.

— Нет ли ощущения, что в современной реальности перестают работать привычные политические механизмы, и есть ли потребность в новых?

— Теория политики учит нас тому, что политическая система является эффективной, когда она: 1) устойчива, 2) способна приспосабливаться к изменениям внешней среды и 3) может решать конфликты мирным путём. Исходя из этого, я считаю, что наша политическая система всё ещё эффективна. Но фаза развития осталась позади, сейчас мы движемся по инерции. Необходима модернизация. В этой связи президент абсолютно прав, когда говорит о новом технологическом укладе. Модернизация экономики приведёт и к модернизации всей политической системы. Человек, памятники которому до сих пор стоят на главных площадях каждого провинциального города, научил нас тому, что «политика есть самое концентрированное выражение экономики».

Вот пример. Казалось бы, благая идея минздрава под названием «Бережливая поликлиника» призвана сократить очереди, упростить запись к врачам, сберечь время и нервы, создать доброжелательную атмосферу в поликлиниках. На деле во многих регионах качество управленческих кадров, хронический недостаток медицинских работников и устаревшие подходы к организации медицинской помощи не позволяют воспользоваться преимуществами этой идеи.

Многие эксперты сегодня заявляют, что власть перестала генерировать повестку, и теперь это происходит «снизу». Но я так не считаю. Безусловно, политменеджмент погружен в тактические приемы «удар — ответ», из-за которых не остается времени на глобальную стратегию. Регионалы и министерства сосредоточены на реализации национальных проектов (как ранее «майских указов»), от них ждут выполнения задач, затыкания «дыр» в социальной политике, образовании, привлечении инвестиций. Меняются показатели, по которым оценивается их эффективность. Я могу привести в пример тот же конкурс «Лидеры России» или идею с переименованием аэропортов.

— «Единая России» и ОНФ были столпами российской политики. Сейчас не так?

— ОНФ возник относительно недавно, столпом политики его назвать трудно, скорее, одна из «ног», и относится больше к общественной деятельности. Сегодня ОНФ выполняет сугубо прикладную полубюрократическую функцию: обеспечивает Владимиру Владимировичу [Путину] еще одну площадку для взаимодействия с общественниками. Моё мнение, что ОНФ, как и любая другая организация, поддержанная президентом, должна выполнять еще и такую важную функцию как контроль — указывать власти на ее просчеты, добиваться изменений. Представьте заголовок: «Представители ОНФ добились отставки губернатора/главы города». Или такой заголовок: «Активисты ОНФ добились установки очистных сооружений стоимостью 3 миллиарда рублей от предприятий, загрязняющих воздух в городе». Но такого не происходит. Нет, что называется, акций прямого действия. Не хватает политической воли руководства. Я внимательно посмотрел интервью Ольги Тимофеевой по итогам года. Проект «За честные закупки» в Кабардино-Балкарии не даёт чиновникам покупать внедорожники за 2 миллиона? И это все? Ребята, вы добились отставки чиновника, кто додумался брать своему ведомству внедорожник вместо обычного седана? Получается, что ОНФ остаётся симулякром гражданского общества. Были ли представители ОНФ в Кемерово и Волоколамске в марте, когда люди протестовали против бездействия власти, или на митингах обманутых дольщиков в Санкт-Петербурге? Вряд ли. По крайней мере серьезной роли они там не играют. А пора бы уже включаться в ситуативный уличный протест, который завтра будет в руках стихийных лидеров. Кстати, со своими коллегами мы провели исследование [«Протестное поле в России: форматы и практика»](#), в котором пришли к выводу о том, что в ближайшей перспективе протестные настроения в обществе будут нарастать и региональные власти стоят перед насущной необходимостью кардинального изменения стратегии коммуникации с обществом.

Что касается «Единой России» — это уже фактически официальная бюрократическая структура. Проблема партии сегодня в том, что многие ресурсные лица, которые в том числе идут на какие-то выборы от партии, как-то её стесняются. Депутаты не хотят становиться членами партии, губернаторы и вообще поголовно самовыдвиженцы. Вижу такую тенденцию. Возможно, это связано с отсутствием механизмов вертикальной мобильности. Ты можешь войти в состав партии, но она не обеспечит тебе роста внутри системы, что плохо для

тех же молодых политиков, молодогвардейцев, чиновников. Если ты, например, предприниматель, и вошел в партию, что тебе это дает? Да ничего! Мало того, на тебя, скорее всего, станут смотреть с подозрением, думая, что ты, мягко скажем, можешь быть нечистоплотен. Я думаю, эта ситуация отличается от той, которая была в начале нулевых, когда к единороссам поголовно шли от мала до велика, шли вслед за Путиным. Тем не менее электоральный рейтинг партии все равно остаётся высоким. Понятно, проиграно уже несколько разного уровня кампаний. Но «Единая Россия» пропускала и более хлесткие удары. Стоит лишь вспомнить 2011 год и митинги на Болотной. Списывать её со счетов явно рано. Пока есть Владимир Путин, есть и партия. При всем уважении к Дмитрию Анатольевичу, а также Андрею Анатольевичу и Вячеславу Викторовичу курс и политику партии, пусть и менее публично, до сих пор определяет именно президент.

— Но преобразования в партии ведутся?

— Несомненно! Надо отметить, что Андрей Турчак в этом году сыграл большую роль в преобразовании «Единой России» и реформировании внутрипартийного истеблишмента. Это коснулось органов исполкома в Москве, и в ряде регионов он начал расставлять своих людей. Невооружённым глазом видно аппаратное противостояние с «володинскими». А хорошо это или плохо — покажет время. Да, партия получила ряд болезненных ударов. Но, как говорится, «кому многое дано, с того и спрос большой». Парламентская оппозиция значительно слабее и до сих пор боится сыграть с «Единой Россией» в серьезную игру. Все эти победы в Хакасии и Хабаровской области пока выглядят как нонсенс. Что будет дальше, увидим осенью 2019 года.

— Начнется ли «закручивание гаек» в стране, чего опасаются многие?

— Если мы исходим из позиции либералов, говоря о том, что нельзя сажать за лайки и репосты, кидать правозащитников в тюрьму, и привлекать гражданских лиц для разгона митингов, то «закручивание гаек» идет семимильными шагами. А если же мы придерживаемся консервативных, охранительских позиций, то наоборот стоит говорить о том, что балагана в стране все больше, а контроля все меньше, в соцсетях провокаторы вешают оскорбительные картинки, и если ничего не предпринимать, то страну мы не удержим. Я вижу сегодня два полюса, обе эти позиции имеют право на существование.

Градус обсуждения этой проблемы в нашем информационном обществе будет всегда выше, чем реальные происходящие события, в этой связи можно констатировать, что с гражданским обществом все не так плохо. Даже из-за ареста рэпера Хаски пошла такая волна, которую трудно было бы представить, например, в 80-е годы, когда прессовали рокеров. Так что проводимые многими параллели с Советским Союзом неправомерны, на мой взгляд, сегодня можно говорить о многом, почти обо всем, соблюдая лишь, грубо говоря, несколько правил: не хвали современные власти Украины, не вывешивай нацистскую символику и символику исламистов и не ругай Путина. Согласитесь, не так уж и много, чтобы не стать экстремистом. Вот «Новое величие» нарушило эти пункты. С другой стороны, что нарушил этот убогий парень Дима из Улан-Удэ (Дмитрий Кузнецов известный как «Хаски» — прим. авт.), я не понимаю.

— Как изменилась региональная политика, почему выборы в регионах стало выиграть так сложно?

— В регионах нет роста. Доходов, экономики, перспективы. За исключением традиционных «жирных» республик, столиц, и некоторых ярких провинциалов типа Тулы, в остальном ситуация вполне очевидна. Те, кто там бывают, понимают. И национальные проекты вкуче с новыми показателями оценки губернаторов в качестве скрытой цели как раз и выдвигают мотивацию на напряжённую работу регионов. Потому что запрос на изменения вырисовывается сегодня уже вполне очевидно, хотя пока выражается только в недовольстве властью, разочаровании от её неуклюжих действий, в отсутствии желания признать наличие проблем, обсудить с людьми. Не с казёнными общественниками, а с лидерами народного «deep state». Поэтому ротация губернаторских кадров сегодня оправданна — главы регионов не должны, как губка, впитывать в себя гнев обывателей, всеми силами не давая просочиться местным проблемам в федеральное медийное пространство.

Я жду, что в период 2019–2021 гг. будут активизироваться региональные ФПГ и любые люди, у которых есть деньги и амбиции. Появятся новые желающие побороться за власть, пусть и небольшую, муниципальную, но без поддержки самой власти. Будет возрастать доля нигилистов, готовых плыть против течения по нематериальным причинам. Возможно, кто-то из федеральных игроков эту игру подхватит. Неизбежно появление одного или нескольких новых политических проектов, партии или движения типа «Наших» с уклоном в левый популизм. Потому что постоянно делать ставку

только на четыре партии — «Единую Россию» и так называемых «думских старцев», как говорил в свое время Прохоров, — нельзя. Уже очевидно, что нас ждут серьезные преобразования в партийной системе перед выборами в Госдуму 2021 года.

Условные «новые правые» и «новые левые» в итоге будут выступать за преобразования во власти, избавление от неэффективного балласта и коррупционеров, а также появления новых возможностей захода во власть для них самих (через тот же ситуативный протест). Начнут образовываться движения всевозможных направленностей. Так, в регионах, уже не только в больших городах, есть экологический запрос, который наверняка приведет к созданию, например, какой-то новой партии, которая вырастет снизу из нескольких движений. Хотя я знаю, что ряд коллег уже не первый год обивают пороги здания на Старой Площади с готовой презентацией экологической партии. Понимают это и в Кремле, наверняка есть уже какие-то наработки. Уверен, что появится и новая социал-демократическая сила с идеологией перераспределения благ и установления социальной справедливости. Не будем забывать и про чаяния среднего класса — демократизация институтов, открытость общества, запрос на снижение конфронтации с Западом.

— Что означает «приморский кейс», и насколько убедительной оказалась победа Олега Кожемяко?

— Приморский кейс показал, что не надо шутить с людьми, особенно если они этнические украинцы, живущие на окраине России. Это шутка, конечно, хотя в какой-то степени это так, и это — повод для разыгрывания протестной карты на том же Дальнем Востоке — «украинский украинец живёт лучше русского». Мне сложно судить конкретно о кампании, потому что я, стыдно признаться, не работал в Приморье. По рассказам коллег, в Приморье существует четкий запрос на отсутствие лицемерия и вранья по отношению к ним со стороны центра. «Мы тут до сих пор госграницу держим, а нас Москва за людей не считает». С этим в основном и связано поражение Тарасенко в первом туре. Не говорю победа Ищенко, потому что её де юре тоже не случилось. В итоге победу одержал Олег Кожемяко. По рассказам коллег, победа было достигнута сложным путем административно-технологической мобилизации. Ну и что? Завтра эту кампанию будут помнить только ее участники, а важным будет то, какие шаги предпримет новоизбранный губернатор и центр, поддерживающий его, чтобы жители Приморья перестали считать, что им врут.

— Не могу не задать вопрос: почему так много внимания власть теперь уделяет Интернету?

— Интернету, действительно, уделяется много внимания. Насколько я знаю, команда Сергея Кириенко считает себя достаточно высокотехнологичной и хорошо разбирающейся в процессах, охватывающих Интернет. Они смотрят на ситуацию, скажем так, прогнозируя развитие личности и его поведения в сети. То есть рассматривают развитие Интернета в научно-гуманитарном контексте. У меня сложилось такое впечатление. Не будем забывать и про немалое количество интернет-фабрик среди других игроков, напрямую с властью не связанных. Сегодня это модно и востребовано — иметь свои СМИ, аккаунты в соцсетях и пачки телеграм-каналов. Топовые блогеры в мегаполисах аккумулируют на себя информационную повестку и становятся своеобразными СМИ для миллионов своих подписчиков. Именно они во многом определяют восприятие политиков аудиторией. А это несомненный ресурс, который сегодня слабо используется политическими игроками.

Но есть и инициативы, опережающие время. Вот, например, очередная: назначить советников губернаторов, ответственных за Интернет. Какую реальную функцию они будут выполнять? Координировать районные группы администраций в сети «ВКонтакте» и «Одноклассники»? Или писать провластные комментарии на сайтах региональных СМИ? Заводить Инстаграм губернатору? Ну ок, почему тогда то же самое не могут делать привлеченные специалисты? Боюсь, что излишняя бюрократизация не пойдет на пользу. Нужно действовать тоньше. Нужные государству идеи, и образы сегодня плохо проникают в сегмент того же развлекательного Интернета, где сосредоточены действительно миллионы тех же геймеров. Снова обращаюсь к истории с рэпером Хаски: запрет концертов говорит о том, что власть по большому счету не понимает молодежь, не может говорить с ней на ее языке. Молодежь сегодня, да впрочем и всегда, это не только мальчики и девочки с молодежных форумов, послушно аплодирующие гостям, это и те, кто слушает реперов, которые честно вещают им о той убогой жизни, которой они живут.

Хаски и ему подобных не переваривают носители консервативно-охранительной традиции. Я их понимаю, мне самому, воспитанному на классике рока, не нравится это творчество. Но нужно же что-то предлагать взамен! Я думаю, это поколение слушает реперов, потому что с детства они видели по телевизору (пока ещё смотрели его) «Голубой огонек», Петросяна и «Пусть говорят». Вернее, они смотрели на своих родителей, которые «пялились в телек». Надо

ли сегодня этих новых бунтарей сориентировать на что-то другое, пока они не напялили жёлтые жилеты? Возможно ли это? Не знаю. Возможно, их лучше оставить в покое, чем запрещать.

Мы все боимся новшеств. То поколение, которое сейчас доминирует во власти, сформировалось в другую эпоху. Еще десять лет назад общество было совсем другим, соцсети не играли такой значимой роли, далеко не у всех были смартфоны, а сегодня все не так. И, да, иногда проще запретить, поставить на паузу, чтобы разобраться в том, что происходит. Проблема только в том, что реальной возможности поставить на паузу время нет.

— Согласны ли вы со следующими утверждениями: а) Население стремительно беднеет, б) Власти нравится «китайская модель» или «северокорейская», в) Россию хотят изолировать от всего мира?

— Одно могу сказать точно — по северокорейскому пути мы не идем. Недавно посмотрел фильм Виталия Манского «В лучах солнца», где показана Северная Корея. Фильм, сценарий к которому писали северокорейские партфункционеры, полон фальшивой пропаганды, но команда Манского не выключала камеры, давая зрителям понять, что благополучие страны мнимое. Все фейк — от квартиры главной героини до ее жизни в целом. Карнавал на фоне серости. Поучительный фильм. Россию трудно заставить жить так. Невозможно. Просто не могу себе представить. Пройденный этап.

Путину регулярно сыпятся вопросы про национальную идею, думаю, многие действительно хотели бы, чтобы в стране была хоть какая-то идеология, особенное поколение 45+, с ностальгией вспоминающее Советский союз. Но под идеологией вряд ли понимается то, что сейчас царит в Северной Корее. Этим людям нужна опора там, где их ресурсная база сокращается. Не будем забывать, что население России стареет. Поэтому до сих пор силен патернализм, который будет лезть по мере падения доверия к власти.

Капитализм в той или иной форме восторжествовал в итоге в большинстве стран мира именно потому, что не обладал какой-то строгой идеологией. Потребляй и живи в свое удовольствие, просто и необременительно. Только сначала потрудись, заплати налоги, стань конкурентноспособным. Самореализуйся, в конечном счёте. Базовые человеческие потребности, основанные на эгоизме, надо признать, оказываются весьма живучими. Боюсь, и левый популизм, столь популярный сегодня на Западе, капитализм проглотит и не подавится, как только самые талантливые жёлтые жилеты сменят их на костюмы от Ermenegildo Zegna.

Китайская модель экономики, безусловно, эффективна, но она построена на колоссальных возможностях человеческого ресурса, часто несправедливо эксплуатирующегося, устойчивости власти и гигантском рынке, производственных мощностях. Предприниматели со всего мира неспроста едут в Китай делать бизнес. У этой страны есть также колоссальный интеллектуальный потенциал, позволяющий создавать либо что-то свое, новое, или успешно заимствовать у других стран. У России тоже многое есть, но пока что со своими способностями мы не можем конкурировать с ведущими экономиками мира. Делать ухудшенную копию того, что уже существует в хорошем варианте, смысла нет. Надо делать своё. Что? Мы и так прекрасно знаем, что у нас получается, а что не очень.

Да, Россию пытаются изолировать от всего остального мира, а если конкретнее, то именно Путина и его команду. По итогам этого года, пожалуй, «дело Скрипалей» и последовавшие санкции стали лакмусовой бумажкой, которая показала глубину противоречий между нами и западным миром. Кстати, наши исследования показывают, что во многих других странах к России и Путину отношение более чем положительное. Вопрос, на каких условиях возможно перемирие с Западом, какую цену заплатим мы, какую они. Из этой «ледяной войны» надо обязательно выйти не проигравшим, чтобы не повторить участь СССР. Но пока неясно, каким образом это можно сделать, и что есть Победа? Кажется, мы в той ситуации, когда хочется хотя бы не потерять то, что есть, например, Крым. Удержание Крыма, наряду с Кавказом, при некой разрядке отношений с Западом, в условиях непрекращающегося давления на всех, без исключения россиян, представляется мне важнейшей внешнеполитической задачей следующего лидера России.

— Какие политические фигуры больше всего удивили вас в этом году?

— Меня не перестает удивлять Дональд Трамп. Как вообще такой человек смог стать президентом Америки? Это какой-то разрыв шаблона. Своеобразный, агрессивный, импульсивный, иррациональный — президент могучих США. По-моему, тогда, когда он говорит мальчику, что не надо верить в Санта-Клауса, он сам становится этим мальчиком. Хотелось бы, чтобы Трампу посвятил свой новый роман Виктор Пелевин, он этого достоин.

— Одним из «политических проектов года» стало создание Института региональной экспертизы. Что это за проект?

— Спасибо за лестный эпитет, но до этого пока далеко. Мы с коллегами, в частности с уфимским политологом Дмитрием Михайличенко, давно вместе работаем на рынке политконсалтинга, социологических исследований, избирательных проектов. В какой-то момент мы решили, что должны консолидировать вокруг себя ту экспертную сеть, с которой работаем, расширить её, задействовать интеллект наших коллег, чтобы, скажем так, более пристально посмотреть на те процессы, которые происходят в регионах. Скажу банальность — нам небезразлично будущее страны. И нам кажется, что у нас есть и достаточное количество энергии, и опыт, чтобы принять участие, как минимум, на уровне экспертизы в тех процессах, которые будут происходить в стране в ближайшие годы, часть из них мы обсуждали выше.

Наше дело имеет прикладное значение, учитывая опыт работы в регионах и современные тенденции на рынке политконсалтинга. Всё большее значение приобретает не электоральное технологическое сопровождение политического процесса, а текущий информационно-аналитический консалтинг. Ответственным лицам нужна разнообразная информация для принятия решений, как бы это просто ни звучало, причём востребован цикл таких услуг — от полевой социологии и ситуационного анализа до медиации и моделирования социально-политических процессов.

Если говорить про наш сайт, это не просто политжурнал с научными статьями. Мы применяем кейсы в реальной жизни, в работе с заказчиками. Мы открыты — любому эксперту мы готовы предоставить площадку для реализации его идей и проектов. Надеюсь, следующий год станет для нас прорывным. Если говорить в общем, я считаю, что уровень российских политконсультантов в последнее время растёт. Это видно в том числе и по тем международным проектам, к которым привлекаются российские специалисты.

Пока я оказываю ИРЭ консультационную и организационную помощь, так как мои основные усилия сосредоточены вокруг аналитического центра «ПолитГен», ребрендингом которого мы занимаемся в данный момент. Но эти проекты — друзья. А друзья должны помогать друг другу.

— Какие изменения ждут регионы в 2019 году? Отменяют ли выборы губернаторов?

— Думаю, что выборы губернаторов не отменят. Путин не раз говорил про стратегию развития, в частности, демократических

институтов. Вот стабилизировали, а в 2004 году отменили. В 2011 году снова ввели, теперь надо развивать. И ничего нет плохого в том, что еще в 15 регионах победят представители каких-то партий кроме «Единой России». Пусть это будут вообще не парламентские партии, самовыдвиженцы, пусть попробуют, вдруг им удастся сделать что-то лучше, чем у единороссов. Поэтому отменив выборы, власть покажет свою слабость, болезненность даже минимальных имиджевых потерь. Нужно давать большему количеству кандидатов идти на выборы и при необходимости просто делать работу над ошибками. Не надо держать людей за дураков, прозрачные легитимные выборы без фальсификаций покажут, чего хотят избиратели. Будут побеждать те, кто попадет в запрос избирателя. И вот с ними уже надо будет выстраивать работу.

— Изменится ли кардинально в 2019 году политическая реальность?

— 2019 и 2020 гг. — это то время, когда все игроки, которые хотят чего-то добиться в следующем цикле, в 2024 году, должны активизироваться, сделать что-то значимое. Процесс транзита власти всегда связан с некоторой турбулентностью. Мы уже замечаем это. В 2021 году будет промежуточный показательный бой, выборы в Госдуму, создание нового парламента. А непосредственно в 2024 году будет происходить определение будущего страны. Политические акторы готовятся к этому уже сейчас.

— О чем мечтаете лично Вы?

— Я мечтаю, чтобы меня окружали любящие люди, верные друзья, настоящие единомышленники и достойные коллеги, и чтобы вместе мы продолжали решать интересные задачи, запускали новые проекты и получали от всего этого радость и удовлетворение. Всех с наступающим 2019 годом!